

ЗОЛОТАЯ ТРЯСИНА

Рассказ М. Подгаецкого из жизни алданских приискателей ¹⁾

Дмитрий Протасов познакомился с Лагутиным в благовещенском клубе водников, во время случайной партии в шахматы.

В Благовещенске Лагутин казался самым приятным малым, какого только можно себе представить. Он отлично играл в шахматы, а еще лучше в карты, и обладал, повидимому, неисчерпаемым запасом анекдотов, острот и поговорок. Дмитрий часто удивлялся его веселому и беззаботному характеру. Лагутин побывал всюду и везде, знал все, что вам угодно, и мог поддержать разговор на любую тему.

Одним словом, он был славным малым и при случае в карман за словом не лазил — таково было мнение о нем Протасова после месячного знакомства. Как и следовало ожидать, они скоро хлопнули по рукам и стали готовиться к дальнему пути. Приготовления заняли довольно много времени, и только с наступлением следующей весны они надеялись быть там — на этом сказочном, легендарном Алдане, присвоившем себе по праву имя Советского Клондайка.

Глубокий снег лежал вокруг, когда пассажирский поезд выбросил их на станцию Большой Невер. Отрывисто рывкнул свисток, глухо лягнули буфера вагонов в морозном воздухе, и поезд двинулся дальше. Блестящая двойная линия стальных рельсов, да стройная шеренга телеграфных столбов, терявшаяся в снегах, являлись теперь тонкой нитью, связывавшей их с культурным миром. Другая такая линия телеграфных столбов уходила на север, параллельно широкой таежной «временке», в поселок Ларинский, серым пятном маячивший на белоснежном фоне сугробов сопки.

Это — преддверие лихорадочного Алдана. Отсюда отправляются в тайгу с отвагой и решимостью в глазах. Сюда же возвращаются с отчаянием или карманами, набитыми золотом, или не возвращаются вовсе, оставаясь добычей тайги и сорокаградусных морозов.

Поселок сильно разросся за последнее время. Обуреваемые жаждой жизни, люди снова вторгнулись в тайгу.

Множество домов и землянок строилось в поселке; с неизмер-

ной быстротой, словно грибы после дождя, выростали они на глазах обитателей. Волна золотой горячки захлестнула поселок, на его кривых улочках можно услышать говор на шести-семи языках.

Везде зятянутые в меха и коты фигуры приискателей с традиционным ножом у пояса. Русские, тунгусы, китайцы, много якутов, которых можно узнать по оленьим шкурам.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы и возвращаются порожняком. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть этих грациозных животных, столь привыкших к знойной пустыне, в суровой сибирской тайге и снегах.

* * *

С одним из таких караванов ушли Лагутин с Протасовым. Тайга приняла их не красно. Через несколько дней пути поднялась буря. Загудела и ожила тайга, и с трудом путники добрались до первого зимовья, где обоз решил преждать бурю.

Путь длился несколько месяцев. Позади остался прииск Лебединный, где кончалась телеграфная сеть и начиналась девственная тайга, миновали и Становик (Становой хребет) и, наконец, путники были у цели. Небольшая группа сереньких строений, множество палаток — вот что представляла из себя группа алданских приисков.

Лагутин, как более сведущий, сам выбрал участок, или, как здесь говорят, «делянку» на берегу Таммота, и зарегистрировал его на имя обоих.

Солнце швыряло в талую

землю весенними лучами. Оживала тайга от крепкого зимнего сна, и все вначале было так просто и так обыкновенно: Дмитрий вкладывает личный труд, палатку и небольшой запас денег, а Лагутин — приятное общество и глубокое знание свойств и признаков «благородного металла».

* * *

С первых же шагов вступления на делянку и тщательного осмотра ее, Протасов был удивлен переменой поведения товарища. С того времени, как они покинули прииск Незаметный — последний населенный пункт, невидимой паутинкой радио-телеграфа соприкасающийся с культурным миром, Лагутин изменился до неузнаваемости.

Он стал молчалив и смотрел вокруг себя глазами человека, которого растягивают на дыбе; все вопросы Протасова он принимал с неудовольствием и нехотя отвечал на них. Дмитрий совершенно не знал, чем объяснить это явление.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть обитателей знойной пустыни и оленей — рядом, — в суровой заснеженной сибирской тайге.

¹⁾ Этот рассказ написан по данным хабаровских и владивостокских газет и основан на действительном случае.

По совету Лагутина они расположились на бугристом берегу Таммота. Впереди Таммот — южная граница концессии Алданзолото; за ним смешанный лес; слева «марь» — болотистая площадь между рукавами Таммота; дальше перелесок, который постепенно переходит в лес, затем в тайгу, переплетенную, перевиутую растениями. Там темно и сыро даже днем. Валежник, а порой и огромные стволы устилают мшистую, почти на метр покрытую листьями и хвоей землю. В сотый раз перебирал Дмитрий свои собственные недостатки, чтобы понять причину странной неприязни к нему Лагутина. Но попрежнему угрюмое молчание властвовало над их маленьким лагерем.

Так и прошел весь день. В молчании они поужинали, закурили папиросы и обдумывали планы.

Ночью и на следующий день шел дождь, ветер гнул лозы и далеко выбрасывал на противоположный отлогий берег мутные волны речушки. После полудня небо прояснилось. Дмитрий вышел из палатки и, с трудом шагая по вязкой земле, подошел к берегу Таммота. Ах, как он устал за эти сутки! Как он устал от Лагутина! Зачем он пригласил его к себе в компаньоны? Теперь ясно все. Лагутин был только болтун — и больше ничего. Он ничего не знал о таежной жизни, а еще меньше о золоте. Очевидно, постоянное посещение благовещенских «Амуров», «Востоков», «Алясок» и тому подобных баров низкого пошиба дает очень мало знаний о жизни в тайге и ее привычках.

Весь остаток дня прошел все в том же напряженном молчании, и Дмитрий с тоской ожидал развязки. Отношения были так натянуты, что он ожидал взрыва каждую минуту.

Но однако, этого не последовало, а кончилось тем, что Лагутин после ужина заговорил первым:

— Я думаю отправиться на прииск на несколько времени. Сейчас земля сыра и работать невозможно, а здесь много дичи и можно будет достать ружье.

— Отлично, — ответил Протасов. — Действительно, тогда будет лучше, а то мне сильно приелись консервы. Но когда же ты вернешься?

Но Лагутин опять ушел в свою скорлупу.

— Когда мне будет угодно, — вызывающе ответил он.

Протасову до крайности надоело его странный компаньон. Он готов был один остаться на участке, лишь бы избавиться от его общества.

Утром Лагутин ушел, не пожав руки и буркнув, что вернется дня через два-три. С этого времени Протасов вздохнул свободно и с легким сердцем принялся за работу — за пробивку шурфов на делянке.

* * *

Ровно через две недели одинокий участок на берегу Таммота представлял следующую картину: делянка, очевидно, была полузаброшена, так как пробитые шурфы никто не разрабатывал. Покосившаяся палатка доказывала, что о ней мало заботятся, несмотря на то, что около нее догорал костер.

В палатке находился Протасов, углубившийся в странное занятие. Он только что окончил немудреный завтрак, состоявший из консервов и краюхи черствого, как камень, хлеба, закурил папиросу и вынул из кармана кожаной куртки клочок толстой бумаги, сильно истертой по месту сгиба. Развернув бумагу, он принялся ее рассматривать.

Это был план среднего течения Алдана, на котором голубой извилистой сеткой лежали: Алдан, Таммот, Мая и их притоки. По зеленому полю лесов причудливыми чертаниями вилась коричневая краска горных хребтов, массивов и утесов. Синими трехугольниками пестрели прииски концессии «Лена Гольдсфильд». У подножья Витимского нагорья стоял крестик — место их участка — заключенный в квадрат; от него пунктиром шел путь на юг, к прииску Незаметному.

Протасов быстро стер нанесенные на план простым карандашом знаки и перенес их значительно южнее, вверх по Таммоту.

Внезапно слух его прорезал звук раздавшегося выстрела. Темная туча легла на лицо Дмитрия. Он бояливо оглянулся вокруг и торопливым движением спрятал карту в карман...

Кто мог шататься здесь? По близости нет ни одного разработанного участка. И вдруг у него явилась мысль, что нет ничего удивительного в возвращении Лагутина.

— Этого лгуна, этого проклятого лодыря... — пробормотал он сквозь зубы и выскочил из палатки.

Внизу у подножья холма поднялся белый дымок выстрела, постепенно рассеиваясь в воздухе.

Минуту спустя ветерок принес топот сапог, перешедший в хлюпанье. Это окончательно убедило Протасова, что стрелявший направляется к делянке.

Он нырнул в палатку и выскочил оттуда с измятым биноклем в руках. Через несколько секунд в поле зрения бинокля промелькнула ивовая поросль, резкая линия пригорка с гемно-синим небом поверх нее, а затем в зарослях взор Протасова нащупал человеческую голову в лихо заломленной панаме. За плечами виднелось дуло двустволки, и, наконец, Дмитрий до мельчайших подробностей смог разглядеть фигуру путника в высоких охотничьих сапогах и кожаной тужурке, опоясанной патронташем. Путник, в свою очередь, различил фигуру золотоискателя, замахал над головою шляпой и закричал певучим голосом:

— Здорово! Здорово!

Это было его обычное приветствие при встречах с Протасовым.

Он почти бегом пустился вперед по высохшему руслу ручья и стал взбираться на покатый бугор, на краю которого в выжидательной позе стоял Дмитрий. Лагутин вскочил на площадку, где стояла палатка, бережно прислонил двустволку к засохшему дереву и, обернувшись к Протасову, весело крикнул:

— Вот и я! Не ждал? Да еще не один, а сам-друг с доброй «бельгийской». Славное ружье!..

Дмитрия раздражала веселость Лагутина. Он исподлобья наблюдал за его движениями.

— Итак, я возвратился!.. Правду говоря, я и не думал вовсе возвращаться... На Незаметном мне повезло... Страшно повезло, говоря по совести...

— Нашел золото? Много? Жильного или в песках? — оживился угрюмый Протасов.

— О нет, не в песках!.. В карманах партии приискателей, дружище! Оказались отчаянные игроки.

— Но чем же кончилось?

— Кончилось? Фортуна — изменчивая вещь! Она сперва улыбнулась мне, а потом стала улыбаться другим, и через три дня я продул все то, что выиграл раньше. Осталось в кармане несколько измятых червонцев, да и те исчезли бы, если бы партия приискателей не отправилась дальше. Ну, и тогда я вспомнил с нашим с тобой деле...

— О нашем с тобой деле... — механически повторил Дмитрий.

— Да, о нашем деле, и решил вернуться сюда... Ну, я купил за четыре червонца этот самопал и отправился. Да ты посмотри, что за ружье! Я доволен, что мне удалось его купить так дешево.

— Да на кой шут оно сдалось?

— Да разве здесь ружье может быть лишним? Ты ведь сам сказал это, когда я уходил две недели тому назад.

Протасов продолжал исподлобья наблюдать за ним.

— Ну, как дела? — снова затараторил Лагутин. — О, если нам попадет песок с большим содержанием золота! Я не буду Лагутиным, если я не возвращаюсь когда-нибудь домой с карманами, полными денег!

— Может быть, может быть. Только золото это будет из каких угодно песков, но не из песков Таммота, — криво усмехнулся Протасов.

— Что это значит? — нахмурился Лагутин. — Ты хочешь сказать, что не намерен меня допустить работать на участке?

— Нет, не то... Если бы ты пришел не сегодня, а завтра — ты бы не застал меня здесь. Я решил бросить эту штуку. Да, бросить, потому что у меня нет никакой охоты возиться с ерундой. Я не намываю здесь и двух граммов в день.

— Но, может быть, в других местах этого холма, у реки...

— Ты хочешь сказать, что я искал недостаточно тщательно? Ну, так что ж, посмотрим... Я пробил около пятнадцати шурфов¹⁾...

— И ничего?

— Нигде ничего!

Лагутин тяжело вздохнул и крикнул.

— Я слышал, — сказал он, — что километрах в шестидесяти отсюда есть золотое местечко — ребята передавали. Знаешь, на трех бывших участках старика Набокова, где его зарезали китайцы?..

— Знаю. Ну, что же?

— Ну, так я думаю — не сунуться ли нам туда?

— Счастливого пути...

— А ты? — удивленно спросил Лагутин.

— Я возвращусь на Незаметный.

Замолчали. Лагутин стал чистить свою «бельгийку» и, зарядив ее на оба ствола, поставил в палатке. Этот день Протасов не работал. Он задумчиво сидел у маленького костра, на котором готовил суп из оставшихся консервов и картофеля, варил чай. Потом занялся починкой суконной рубахи.

Словом, он делал работу, показывавшую, что он не намерен больше оставаться здесь, а собирается вскинуть узел на плечи и распрощаться с делянкой.

За ужином Лагутин снова затронул вопрос об участке.

1) Шурф — колодец, закладываемый с целью разведки месторождения.

— Ты уверен, что здесь нет больше ни крупинки золота? — спросил он.

Протасов молча пожал плечами.

— Но, может быть... Если порыться еще...

— Глупости! К чему ты клонишь? Остаться здесь невыгодно: время может уйти.

— Знаешь, мне нужно хоть немного денег, ну, хоть на первое время...

— У меня осталось немного, после того, как мы покинули Незаметный. Расстанемся друзьями — разделим их поровну.

Лагутин согласился, хотя предложение товарища не мало удивило его.

— Двинемся завтра утром. Наши дороги расходятся, — ответил он.

Протасова, повидимому, очень мало радовала перспектива провести ночь вместе со своим надоедливом компаньоном, но выпроводить товарища ночью, да еще без всяких оснований, не было в обычаях искателей золота.

Проворчав что-то, он залил костер и, завалившись спать в палатке, предоставил бывшему компаньону проводить ночь, как тому будет угодно.

* * *

Лагутин проснулся первым. Протасов еще не выходил из палатки. Лезжала большая роса, и двигаться в путь сейчас было невозможно, не рискуя промокнуть насквозь. Лагутин решил обождать.

В это время Протасов вышел из палатки, заложив руки в карманы и хмуро глядя куда-то вдаль.

Тонкий пар поднимался над «марью», а особенно густые волны его клубились там, где блестели небольшие оконца трясины. Вдруг большая стая перелетных уток сорвалась с реки и понеслась к обрыву. Прежде чем Протасов успел что-нибудь сообразить, его товарищ вскинул ружье и выстрелил.

— У нас сегодня будет отличный завтрак! — весело вскричал он.

Протасов думал и радовался в душе, что выстрел не достигнет цели за дальностью расстояния. Но как-то было его удивление, а потом и тревога, когда он увидел, что пара уток, теряя перья, стала падать шагах в полутора от них, как раз в том месте, где холм переходил в марь. Выбив патрон, Лагутин, тяжело ступая в огромных охотничьих сапогах, побежал туда.

Протасов сначала не двигался с места, но заметив, что Лагутин направляется к обрыву, рванулся вдогонку.

— Проклятый человек! Не смей ходить туда! — закричал он.

— Надо же взять добычу?! — ответил удивленный Лагутин.

— Не смей! — неистово закричал тот, и побежал следом за Лагутиным.

Когда он, запыхавшись, догнал товарища, уже в нескольких шагах от реки, — Лагутин внезапно остановился и впился глазами в желтую почву обрыва.

Он повернулся к Протасову и произнес сдавленным голосом:

— Ты нашел рассыпное золото?..

— Молчи, не смей говорить!

— Ты нашел богатую россыпь, Протасов? — угрожающим голосом сказал тот, еще более бледнея.

— Не твое дело, что я нашел! — закричал Дмитрий. — Что я нашел, то — мое.

— Ты обманул меня. Ты сказал, что бросаешь работу. Ты не бросишь, потому что каждый день намываешь до двадцати золотников. Я видел такие россыпи, я знаю... Пусть то, что ты намыл до моего прихода — твое, но после того, как я возвратился, россыпь не твоя, а наша... Одна половина твоя... и половина моя.

— Я не отдам... не отдам... все мое... — яростно шипел Протасов.

— Нет, ты отдашь, я сам возьму! — ответил Лагутин, бегом направляясь к обрыву.

Прежде чем он успел сделать несколько шагов, рука Протасова, которую тот держал в кармане брюк, вдруг выпрямилась, что-то заблестело на солнце, прогрохотал выстрел. Лагутин, выпустив ружье из рук, упал, словно споткнувшись, ничком на землю и судорожно стал рыть искривленными пальцами прибрежный песок. Протасов, уронив браунинг, недвижно стоял над трупом убитого компаньона.

— Ты сам хотел этого... — бормотал он посиневшими губами. — Ты хотел взять там, где не положил...

Постояв еще несколько мгновений, он хотел отойти в сторону, но почувствовал, что ноги не служат ему. Он присел на камень, чтобы не упасть. Он хотел смотреть в сторону, но что-то властно заставляло его смотреть на труп убитого. Беспорядочными вихрями понеслись мысли в его одурманенной голове.

«Труп... Труп не зайца или белки, которых Протасов часто стрелял из этого же самого револьвера... не волка... не медведя... а труп человека...»

«...Если кто узнает?.. Арест... тюрьма... смерть — за бандитизм... Надо, во что бы то ни стало, скрыть»

тело... Зарыть в землю... бросить в реку...»

Он беспомощно оглянулся. Ему казалось, что предательский выстрел слышали — сейчас же появятся люди...

Его взгляд упал на оконца трясины. Быстро созрела мысль. Схватил тело убитого и поволок его на трясину. Вступил на предательский зеленый ковер, и поверхность трясины заколыхалась, как резиновая; с опасностью провалиться протасил труп около полукилометра, затем, шагнув к оконцу, бросил труп туда. Но, когда он отошел уже на половину расстояния и оглянулся, с его уст сорвалось проклятие. Труп всплыл и одна рука его, высунувшись, судорожно искривленными пальцами словно грозила ему.

Он снова стал осторожно пробираться к оконцу и, держась руками за камыши, по колено в воде, стал толкать труп к центру болота. Труп затонул и Протасов тронулся к берегу. Но... ему с величайшим трудом удалось поднять одну ногу — другая пошла вниз.

Протасов напряг все силы. Камыши, за которые он держался, вырвались с корнем, и несчастный стал погружаться в зыбучее болото. Через секунду вода достигла пояса, потом захватила грудь, плечи... и он закричал силным, безумным голосом...

Протяжный тоскливый крик о помощи пронесся над «марью» — крик утопающего человека...

Ему ответило лишь эхо обрыва и лесистый берег реки...

Стая уток, встревоженная в это утро выстрелом, могла видеть, как из болота высунулась обезумевшая голова Протасова с устремленными вверх глазами. Она скрылась затем на минуту, словно ища спасения, хватая воздух; показалась рука в серозеленой блузе и потом исчезла. Изумрудная поверхность трясины слегка заволновалась и вновь приняла свое первоначальное положение, скрывая навсегда трагическую истину случившегося.

* * *

Через год, едва оттаяла земля и тайга убралась зеленью, партия разведчиков и рабочих государственного треста «Дальзолото», во главе с инженером и топографом, наткнулась на заброшенный лагерь на берегу Таммота. Палатка обвалилась, но вещи, находившиеся под ней, почти хорошо сохранились. Закоптый чайник, небольшой запас консервов, приискательские инструменты, две полуистлевшие постели, две кожаные куртки, и множество образцов кварца и других золотоносных пород.

Рассматривая план, найденный в кармане одной из курток, инженер сильно заинтересовался обозначениями, нанесенными там обыкновенным карандашом, и послал рабочих осмотреть эти места.

По пути туда посланные разведчики нашли заржавленную двустволку с разряженным стволом и браунинг, у которого тоже не хватало одного патрона. Эти вещи, так загадочно брошенные, напоминали о драме, когда-то происшедшей здесь...

Оказалось, что знаки обозначали место богатой золотоносной россыпи. Когда об этом сообщили инженеру, то он осмотрел ее и сказал представителю треста:

— Пишите администрации, что мы набрали на богатую россыпь. Прежде ее кто-то разрабатывал и довольно успешно, но странно то, что так загадочно бросил. Но это не наше дело. Эта площадь законтрактована трестом и мы завтра же приступим к предварительным работам. Видите вон тот небольшой холмик у излучины реки, он — наносный. Река сама промывала породу и несла ее сюда веками вместе с тем золотом, которое в ней было. Много лет прошло прежде чем образовался этот обрыв, и река снова перемывает его и несет дальше драгоценный металл. Теперь это трясина. Я полагаю, что здесь протекала раньше река, отсту-

Протяжный тоскливый крик о помощи пронесся над болотом — крик утопающего человека.

пившая сейчас в сторону, или один из ее рукавов. Почва там тоже наносная. Но процесс засорения рукава остановился, и поэтому это место обратилось в трясины. Это — золотая трясины. Завтра мы и начнем с того, что приступим к ее осушиванию.

Прошло несколько времени. Золотая трясины была осушена, и под тонким слоем прошлогоднего торфа, рабочие отыскали два трупа. У одного на затылке была огнестрельная рана.

Разобрать что-нибудь в их бумагах не удалось...

Подозревая о случившейся здесь жуткой истории, инженер посоветовал еще тщательнее поискать вокруг. Действительно, в отдаленном углу палатки, под сгнившей меховой одеждой, нашли несколько пивных бутылок черного стекла, наполненных золотым песком и небольшими самородками...

Неделю спустя агенту ГПУ, прибывшему с прииска Незаметного, удалось установить имена найденных здесь мертвецов, но все остальное осталось загадкой...